

УДК 930

DOI: 10.34670/AR.2024.86.40.084

**Темпоральные факторы
осуществления субъективного гражданского права.
Исторический аспект**

Гантамирова Залина Эмидиевна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры отечественной истории,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
364093, Российская Федерация, Грозный, ул. Асланбека Шерипова, 32;
e-mail: Zalina.1712@mail.ru

Сигачева Елена Леонидовна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории, истории и государственно-правовых дисциплин,
Читинский институт (филиал),
Байкальский государственный университет,
672000, Российская Федерация, Чита, ул. Анохина 56;
e-mail: elsigleo@mail.ru

Тепсаева Амина Абдулханиевна

Преподаватель кафедры права,
Чеченский государственный педагогический университет,
364051, Российская Федерация, Грозный, пр. Исаева, 62;
e-mail: Tepsayeva94@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена научному исследованию актуального вопроса о временных измерениях реализации регулятивного гражданского права и его соотношении с длительностью права на защиту в случае нарушения, в частности путем подачи иска. Исследуется исторический прогресс науки с точки зрения интерпретаций общественного восприятия периода их существования. Установлено, что изначально и научная мысль, и соответствующее законодательство базировались на концепции единого предписания как явления, разрушающего даже неоспоримое право. Считалось, что прекращение субъективного права по давности является условием, сопровождающим само его возникновение. Однако развитие гражданской науки, основанное на различиях как правовой природы, так и отдельного правового регулирования институтов узурпации и действия, привело к осознанию необходимости отдельного правового регулирования этих двух институтов. Это нашло отражение в научном восприятии взаимосвязи между возникновением и прекращением срока существования иска и длительностью самого нарушенного субъективного права.

Для цитирования в научных исследованиях

Гантамирова З.Э., Сигачева Е.Л., Тепсаева А.А. Темпоральные факторы осуществления субъективного гражданского права. Исторический аспект // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 1А. С. 47-55. DOI: 10.34670/AR.2024.86.40.084

Ключевые слова

Исковая давность, долгосрочное обязательство, срок, гражданское право, субъективное право.

Введение

В настоящее время актуальной является проблема своевременного осуществления субъективного права. В частности, важна временная связь между правом на предъявление иска и нормативным правом. Эффективность применения тех или иных правовых норм, регулирующих ход тех или иных сроков, к сожалению, не является основным критерием установления сферы применения правового института. Поэтому приходится проводить научное исследование данной проблемы, поскольку серьезность вопроса о возможности существования нормативного материального права с истечением срока исковой давности требует пристального внимания.

Необходимо проанализировать вопрос о существовании самого субъективного права, на судебную защиту которого претендует кредитор, и соотношение этого временного фактора со временем существования охранного права, направленного на защиту. Если придерживаться некогда популярного тезиса о том, что с истечением срока исковой давности регулятивное право прекращает свое действие, то в данном случае можно было бы говорить о прекращении права на судебную защиту в связи с прекращением субъекта защиты. Кстати, это основание было бы дополнительным к временному регулированию защиты гражданских прав, поскольку законодательство в первую очередь связывает отказ в реализации права на предъявление иска с истечением срока исковой давности.

Основная часть

Стоит выяснить, прекращается ли по истечении срока исковой давности охранное право предъявителя на защиту нарушенного нормативного права. Если нет, то какое право прекращается и прекращается ли вообще? Проанализируем исторический прогресс соответствующих доктринальных разработок. Во второй половине XIX – начале XX вв. В гражданском производстве и действовавшем на тот момент законодательстве преобладал тезис, согласно которому неосуществление субъективного гражданского права в течение достаточно длительного времени фактически означает прекращение интереса к нему со стороны правообладателя. Сила давности понималась таким образом, что она уничтожает неоспоримое право.

Считалось, что прекращение субъективного права по давности является условием, сопровождающим само его возникновение. Бездействующее право признавалось жизнеспособным лишь до определенного момента, а давность признавалась пределом

жизнеспособности бездействующего права, которое долгое время не заявляло о себе. Такой достаточно взвешенный подход мог бы иметь перспективы и целесообразность для дальнейшего эффективного развития, если бы касался срочных обязательств и соответствующих обязательств сторон отношений. По сути, исследователи того времени распространили эту научную разработку в основном на отношения собственности.

Таким образом, постулировалась утрата этого субъективного права в результате его длительного (неопределенности – социально желательного) срока, что выглядело недостаточно убедительно. Эта концепция была более сбалансированной при изучении ситуаций, когда собственник имущества терял свое имущество по каким-то причинам, не зависящим от его воли. В данном случае бездействие последнего имело квалифицирующее значение: поскольку давностью считался период, в течение которого невладеющий собственник утратил свое материальное субъективное право собственности, логично было предположить, что в течение этого срока его приобретает нетитульный владелец.

То есть давность как отдельная категория рассматривалась как явление, в ходе которого происходит либо приобретение определенного права, либо его погашение. Считалось, что срок исковой давности, в течение которого приобреталось субъективное материальное право, и срок, истечение которого приводит к утрате права (погашение),

Последующее развитие гражданской науки, основанное на различиях как правовой природы, так и отдельного правового регулирования институтов узукапии и действия [Никифоряк, Слепенко, 2017], привело к осознанию необходимости отдельного правового регулирования этих двух институтов. Срок исковой давности постепенно приобрел то юридическое значение, которое он имеет и сейчас, – это период, в течение которого лицо может реализовать свое материальное право на получение судебной защиты нарушенного гражданского права или интереса, обратившись в суд с иском в установленном порядке [Ахмедов, 2018]. Такое изменение в оценке правовой сущности указанного срока не могло не сказаться на научном восприятии взаимосвязи между возникновением и прекращением срока существования иска и длительностью самого нарушенного субъективного права.

Таким образом, истечение срока исковой давности разрушает субъективное право извне, а приостановление прекращает существование материального права изнутри [Радченко, 2005]. Такой правовой подход был оправдан с прагматической точки зрения: ведь зачем нам субъективное право, которое, находясь в нарушенном состоянии, не может быть принудительно защищено? Поэтому, принимая во внимание тот факт, что, согласно комментируемой теории, в момент нарушения субъективное право трансформируется в право на предъявление иска, его прекращение с истечением срока исковой давности представляется естественным.

Сторонниками этой теории в разные периоды были такие ученые, как: Г.Ф. Шершеневич, В.И. Синайский, М.М. Агарков, О.С. Иоффе и другие. Они отстаивали позицию о том, что прекращение возможности принудительной защиты нарушенного права (прекращение материального права на предъявление иска) влечет за собой такое же последствие для самого охраняемого материального права. То есть неподача иска до истечения срока, указанного в законе, приводит к возврату, утрате нарушенного права. Кредитор уже ничего не может требовать от должника, а должник не обязан ничего исполнять. Такой же позиции, согласно которой истечение срока исковой давности приводит к прекращению как самого нарушенного права, так и права на предъявление иска (поскольку последнее понималось как нарушенное право, подлежащее принудительному исполнению), придерживался М. Ринг [Певзнер, 1960].

Другие исследователи, также считавшие материальное право на предъявление иска особым состоянием самого субъективного права, тем не менее указывали, что с истечением срока исковой давности прекращается только право на защиту, в то время как само материальное право продолжает существовать. Так, Анненков К.Н. указал, что положения закона об уничтожении иска и прекращении дела следует понимать как истечение срока действия права на предъявление иска.

Аналогичного мнения придерживались С.М. Абрамов, С.И. Вильнянский, И.Б. Новицкий, Б.Б. Черепахин и другие. Они подчеркивают, что истечение срока исковой давности препятствует возможному исполнению права в судебном порядке, но материальное право продолжает существовать даже после истечения срока исковой давности [Воскресенская, 2008]. В результате право становится несколько ущербным, урезанным, но никак не прекращаемым.

Некоторые сторонники этого научного подхода, чтобы смягчить общее неприятие существования так называемого естественного (лишенного обязательной охраны) обязательства, которое продолжает существовать и после истечения срока исковой давности, указывали, что оно по существу не является обязанностью: с истечением срока исковой деятельности отношения переходят из сферы права в сферу фактического, что обуславливает особую социально нагруженную трактовку понятия «обязанность». Так что, вопрос был неочевиден, между сторонниками этих подходов долгое время шла оживленная дискуссия (эта дискуссия продолжается в цивилистике и сейчас, но она переведена в несколько иную плоскость с учетом изменения концептуальной основы).

В XX веке. Концепция прекращения материального права стала подвергаться критике после истечения срока исковой давности. Особенно ярко это проявилось в 1960–1970-е гг.: появились многочисленные научные публикации, в которых отстаивался тезис о том, что прямого влияния истечения срока исковой давности на существование самого субъективного права нет [Новицкий, 2006]. Неудивительно, что в итоге правовая позиция, определяющая, что право продолжает существовать и после утраты им защитно-принудительной способности, хотя и становится менее эффективным и защищенным, фактически была признана более прогрессивной [Фрайтик, Ясина, 2020].

Впрочем, позиция такова было обоснована не изменением подхода к анализу внутренней сущности исследуемых отношений, а тем, что общетеоретические выводы о прекращении субъективного права с погашением его принудительного свойства противоречили действующему законодательству. Это нормативная норма, указывающая на возможность возражения правообладателя против обратного требования, оформленного после истечения срока исковой давности, что воспроизведено в ст. 47 ЦК РСФСР 1922 г.

Как видим, давняя болезнь нашей юридической науки дала о себе знать: не доктринальная мысль дает толчок к совершенствованию действующего законодательства, а скорее, наоборот, действующие правовые нормы заставляют ученых искать научное обоснование. Чаще всего такие поиски приводят к искусственной подгонке существующих правоотношений под правовую надстройку, искажают их природу и придают им черты аномального развития. В конце концов, по прошествии определенного времени такие регуляторные механизмы демонстрируют свою неэффективность и упраздняются, заставляя ученых искать новое обоснование реально существующим отношениям.

Однако в нашем случае мы имеем счастливое исключение из описанного выше правила: введение в гражданское законодательство положения о надлежащем исполнении обязательства

после истечения срока исковой давности побудило ученых-цивилистов заняться поиском его реального и конкретного содержания [Власова, 1998]. На первый взгляд, данная норма гражданского законодательства устранила существующие разночтения относительно оценки соотношения между длительностью субъективного права и истечением срока исковой давности по требованиям о его судебной защите. Ведь если согласиться с тезисом о прекращении субъективного права с истечением срока исковой давности, неизбежно возникает вопрос о правомерности добровольного исполнения обязательства должником после истечения срока исковой давности.

Существование определенного обязательства – это наличие правоотношения и субъективного права, соответствующего указанному обязательству. Эта нормативная норма, казалось бы, лишней раз косвенно подтвердила тот факт, что по истечении срока исковой давности само материальное право не прекращается: правовая норма относится к исполнению, а исполнить можно только существующее обязательство.

Таким образом, гражданско-правовое обязательство продолжает существовать и за пределами сроков исковой давности, поскольку в противном случае, если субъективное право было погашено в результате истечения срока существования требования, исполнение должника являлось действием без надлежащего правового основания и подлежало возврату путем прямого указания на соответствующую статью ГК РФ [Кравченко, 2015]. Следовательно, обязательство продолжает существовать и по истечении срока исковой давности, хотя и утратило свою исполнимость. Приверженцы другой научной доктрины, согласно которой истечение срока давности приводит к прекращению субъективного гражданского права человека, не сложили оружия.

Конечно, появление законодательной нормы о надлежащем исполнении обязанности, несмотря на истечение срока давности, осложнило исследование, но основные концептуальные положения не изменились: невозможно представить себе существование субъективного права, которое не может быть защищено в суде. Таким образом, авторы данной теории исходили из необходимости установления четких границ существования субъективного права, обеспеченного его обязательным признаком – истребуемым имуществом. И именно сроком существования такого гражданского права был выбран момент истечения срока исковой давности.

В рамках данной доктрины возникали различные вопросы относительно сущности комментируемых явлений, которые было непросто согласовать с нормативной нормой: с одной стороны, по-прежнему вызывала сомнения целесообразность продолжения существования материального права, утратившего свое принудительное свойство, с другой стороны, трудно было объяснить эффективность погашенного субъективного права в случае добровольного исполнения должником обязательства или восстановления срока исковой давности. Ведь если обязательства больше не существует, исполнение должно быть признано необоснованным, а все исполненное должно быть возвращено исполнителю.

В итоге, если считать старое субъективное право прекращенным, возникает логичный вопрос: какое материальное право будет защищено в суде в случае предъявления иска, ведь по закону правоохранительный орган должен принять исковое заявление к рассмотрению независимо от истечения срока исковой давности. Как бы то ни было, сторонники данной правовой теории подошли к анализу традиционно для советских времен: они не ставили под сомнение целесообразность и существенную обоснованность существования нормы, они

пытались найти научное объяснение исполнению обязанности (ведь закон говорит об исполнении обязанности), которое, по их мнению, прекратилось.

Было разработано несколько различных теорий. Так, О.С. Иоффе разработала теоретическую конструкцию, согласно которой с учетом того, что добровольное исполнение обязательства после истечения срока исковой давности не ограничивается определенным сроком, осуществление такого исполнения будет означать, что срок исковой давности фактически не истек, а соответствующее субъективное право продолжает находиться в правовом состоянии. По мнению ученого, дальнейшее добровольное исполнение является юридическим фактом, в случае которого гасящее действие срока исковой давности парализуется, поэтому субъективное право при таких обстоятельствах следует считать существующим и никогда не прекращать.

Д.М. Генкин также считал, что гражданское право не может существовать без опоры на принудительную санкцию, поэтому указывал, что субъективное право прекращается с истечением срока исковой давности. Для объяснения дальнейшей эффективности соответствующего субъективного права и обязанности в случае добровольного исполнения ученый постулировал, что элементы принуждения проявляются не только в правовой защите права, но и в юридически установленной возможности возражения против требования. Он обосновал невозможность возврата должником исполненного обязательства после истечения срока исковой давности, определенного гражданским законодательством.

Новая обязанность, прямо установленная ч. 1 ст. 267 ГК РФ, возникает согласно предписанию закона из нового осуществления позитивных действий, совпадает по содержанию с обязательством, прекратившимся после истечения срока исковой давности. Само волеизъявление должника после истечения срока исковой давности является условием и основанием для наступления правовых последствий, в результате которых субъективное право кредитора восстанавливается. Таким образом, средством правовой защиты нового права является отказ в удовлетворении иска. Поэтому, несмотря на то что субъективное право де-факто утрачивается по истечении срока исковой давности, его обладатель сохраняет за собой полномочия вновь приобрести это право в результате положительного действия другого лица [Радченко, 2005].

Наконец, О.А. Красавчиков обосновал продолжение существования субъективного права возможностью его защиты, предусмотренной законом, после истечения срока исковой давности (т.е. в случае восстановления срока исковой давности). Эту позицию, согласно которой восстановление судом срока исковой давности фактически является восстановлением субъективного регулятивного права, которое в свое время прекратилось, поддержали и другие ученые. В литературе уже указывалось на условность и искусственность указанных выше правовых конструкций, не выдерживающих проверки практикой. Дело в том, что важной чертой любого субъективного права, как для носителя, так и для общества, является его определенность в каждый момент существования.

Если вернуться к вышеуказанным конструкциям, то из их содержания неизвестно, существует ли субъективное право в течение времени от истечения срока исковой давности до момента добровольного исполнения обязательства должником. И такой период может быть достаточно длительным. Например, объяснение надлежащего исполнения давнего обязательства, что право утрачено кредитором с истечением срока исковой давности, но после исполнения должником вновь приобретено путем прямого указания на это в законе или факта получения имущества, нельзя считать очень удачным.

Заключение

Таким образом, в настоящее время большинство ученых не поддерживают идею восстановления материального права в случае восстановления срока исковой давности. Более приемлемым является тезис о том, что срок исковой давности гасит только право на предъявление иска, а не само субъективное материальное право, т.е. продолжение существования субъективного материального права, лишенного судебной защиты после истечения срока исковой давности. Поэтому по истечении срока исковой давности защита нарушенного субъективного права не может быть осуществлена в судебном порядке. Однако само охраняемое право не прекращается с истечением срока исковой давности, а продолжает существовать, будучи лишенным средств принудительной защиты, более того, добровольное исполнение обязательства должником в это время является правомерным, последний не вправе требовать возврата того, что было исполнено. Единственное, что стоит добавить, так это то, что продолжает существовать не нарушенное регулятивное право, а защитное, утратившее свою исполнимую способность к реализации. Поэтому добровольное осуществление этого права будет уместным.

Библиография

1. Ахмедов А.Я. Влияние практики применения норм гражданского кодекса РФ о злоупотреблении правом на правовую культуру субъектов гражданского права // Правовая культура. 2018. № 1 (32). С. 77-84.
2. Власова А.В. Структура субъективного гражданского права. Ярославль, 1998. 116 с.
3. Воскресенская Е.В. Применение новых методов обучения в преподавании юридических дисциплин // Успехи современного естествознания. 2008. № 4. С. 25-26.
4. Кравченко А.А. Субъективное гражданское право: история развития понятия в цивилистической доктрине // Грамота. 2015. № 6 (56). С. 101-106.
5. Малиновский А.А. Злоупотребления правом в экономической сфере: проблемы квалификации // Право и экономика. 2007. № 9. С. 15-19.
6. Никифоряк В.М., Слепенко Ю.Н. Последствия злоупотребления гражданским правом // Современная наука и инновации. 2017. № 2 (18). С. 339-342.
7. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. Т. 6. С. 167-168.
8. Певзнер А.Г. Понятие и виды субъективных гражданских права // Вопросы гражданского права. Ученые записки. Вып. X. М., 1960. С. 5-6.
9. Радченко С. Понятие и сущность злоупотребления субъективным гражданским правом // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 50-51.
10. Фрайтик Л.И., Ясина И.В. Проблемы злоупотребления правом в гражданских правоотношениях // Colloquium-journal. 2020. № 5 (57). С. 157-161.

Temporal factors of the implementation of subjective civil law. The historical aspect

Zalina E. Gantamirova

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of National History,
Chechen State University,
364049, 32, Sheripova str., Grozny, Russian Federation;
e-mail: Zalina.1712@mail.ru

Elena L. Sigacheva

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Theory,
History and State Legal Disciplines,
Chita Institute (Branch) of Baikal State University,
672000, 56, Anokhina str., Chita, Russian Federation;
e-mail: elsigleo@mail.ru

Amina A. Tepsaeva

Lecturer of the Department of Law,
Chechen State Pedagogical University,
364068, 62, Isaeva ave., Grozny, Russian Federation;
e-mail: Tepsayeva94@mail.ru

Abstract

Currently, the problem of timely implementation of subjective rights is relevant. In particular, the temporal relationship between the right to sue and the statutory law is important. The article is devoted to the scientific study of the topical issue of the time dimensions of the implementation of regulatory civil law and its relationship with the duration of the right to protection in case of violation, in particular by filing a lawsuit. The historical progress of science is investigated from the point of view of interpretations of public perception of the period of their existence. It is established that initially both scientific thought and the relevant legislation were based on the concept of a single prescription as a phenomenon that destroys even an indisputable right. It was believed that the termination of a subjective right by prescription was a condition accompanying its very occurrence. However, the development of civil science, based on differences in both the legal nature and the separate legal regulation of the institutions of validity and action, has led to the realization of the need for separate legal regulation of these two institutions. This is reflected in the scientific perception of the relationship between the emergence and termination of the claim and the duration of the violated subjective right itself.

For citation

Gantamirova Z.E., Sigacheva E.L., Tepsaeva A.A. (2024) Temporal'nye faktory osushchestvleniya sub"ektivnogo grazhdanskogo prava. Istoricheskii aspekt [Temporal factors of the implementation of subjective civil law. The historical aspect]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (1A), pp. 47-55. DOI: 10.34670/AR.2024.86.40.084

Keywords

Limitation period, long-term obligation, term, civil law, subjective right.

References

1. Akhmedov A.Ya. (2018) Vliyaniye praktiki primeneniya norm grazhdanskogo kodeksa RF o zloupotreblenii pravom na pravovuyu kul'turu sub"ektov grazhdanskogo prava [The influence of the practice of applying the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the abuse of rights on the legal culture of subjects of civil law]. *Pravovaya kul'tura*

-
- [Legal culture], 1 (32), pp. 77-84.
2. Fraitik L.I., Yasina I.V. (2020) Problemy zloupotrebleniya pravom v grazhdanskikh pravootnosheniyakh [Problems of abuse of rights in civil legal relations]. *Colloquium-journal*, 5 (57), pp. 157-161.
 3. Kravchenko A.A. (2015) Sub"ektivnoe grazhdanskoe pravo: istoriya razvitiya ponyatiya v tsivilisticheskoi doktrine [Subjective civil law: history of the development of the concept in the civil doctrine]. *Gramota* [Literacy], 6 (56), pp. 101-106.
 4. Malinovskii A.A. (2007) Zloupotrebleniya pravom v ekonomicheskoi sfere: problemy kvalifikatsii [Abuse of law in the economic sphere: problems of qualification]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 9, pp. 15-19.
 5. Nikiforyak V.M., Slepok Yu.N. (2017) Posledstviya zloupotrebleniya grazhdanskim pravom [Consequences of abuse of civil law]. *Sovremennaya nauka i innovatsii* [Modern science and innovation], 2 (18), pp. 339-342.
 6. Novitskii I.B. (2006) Printsip dobroj sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The principle of good conscience in the draft law of obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of civil law], 1, 6, pp. 167-168.
 7. Pevzner A.G. (1960) Ponyatie i vidy sub"ektivnykh grazhdanskikh prava [The concept and types of subjective civil rights]. In: *Voprosy grazhdanskogo prava. Uchenye zapiski. Vyp. X* [Issues of civil law. Scientific notes. Vol. X]. Moscow.
 8. Radchenko S. (2005) Ponyatie i sushchnost' zloupotrebleniya sub"ektivnym grazhdanskim pravom [The concept and essence of abuse of subjective civil law]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 11, pp. 50-51.
 9. Vlasova A.V. (1998) *Struktura sub"ektivnogo grazhdanskogo prava* [Structure of subjective civil law]. Yaroslavl.
 10. Voskresenskaya E.V. (2008) Primenenie novykh metodov obucheniya v prepodavanii yuridicheskikh distsiplin [Application of new teaching methods in teaching legal disciplines]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in modern science], 4, pp. 25-26.